

Каркин Роман Сергеевич, e-mail romankarkin316@mail.ru, Удмуртский государственный университет

Научный руководитель – Зверева Татьяна Вячеславовна, профессор, доктор филологических наук, Удмуртский государственный университет

ФУНКЦИИ ПОЭТИЧЕСКОГО СЛОВА В ФИЛЬМЕ А. ТАРКОВСКОГО «СТАЛКЕР»

Аннотация. Статья посвящена функциям поэтического текста в фильме Андрея Тарковского «Сталкер». В творчестве режиссера поэзия является важным смыслообразующим пластом. Выбор поэтического материала должен согласовываться с концепцией всей картины. В данной работе разрабатывается проблема соотношения поэтического слова и визуального ряда в фильме «Сталкер». Были сделаны выводы, что поэзия в творчестве Андрея Тарковского обретает высокий сакральный статус. Она не только является средством раскрытия внутреннего мира персонажей, но и оказывается инструментом выражения философских концепций режиссера.

Ключевые слова: Андрей Тарковский, Сталкер, кинематограф, Зеркало.

Фильм «Сталкер» знаменует собой переход к новому этапу творчества А. Тарковского. В целом режиссер остается верен своему стилю: его картины сохраняют прежние темы и мотивы, но изменяется пространство, в котором существуют герои: «Мотивы остались прежними, но изменился мир, в котором идет дождь и проносится ветер. Произошедшую перемену остро подчеркивает "Сталкер"» [2, с. 40]. Начиная с этого фильма в творчестве А. Тарковского усиливаются эсхатологические мотивы, мир оказывается на перепутье между спасением и апокалипсисом, впервые возникает тема конца света. В связи с этим в «Сталкере» изменяется миссия главного героя – отныне он не ищет личного прорыва в трансцендентное пространство, а несет груз ответственности за спасение всего человечества. Герой-подвижник должен привести людей к открывшейся ему истине. Таким образом, выход на высший – духовный – уровень существования оказывается необходимым условием для существования героев А. Тарковского. В результате подобного режиссерского видения «Сталкер» представляет собой религиозно-философскую притчу, в которой переплетаются христианская и даосская культуры. Философская концепция пути – смыслообразующая для данной картины. Этот метафорический жизненный путь (путь через дебри сознания и совести) должен вернуть в зачакленные души героев огонь живой истины.

А. Тарковский показывает изначальный дуализм бытия: одни и те же персонажи находятся между духовным падением и бессмертием. Важнейшим инструментом создания сакрального пласта в фильме для режиссера является поэтическое Слово.

Впервые стихотворные мотивы у Тарковского возникают в «Зеркале». В данном фильме, поэтический текст соотносился с принципом зеркальности, образуя единый сюжет, параллельный развитию фильма. Все стихотворения, звучащие в картине, принадлежали перу отца режиссера Арсению Тарковскому, который сам читал свои произведения. Оставаясь закадровым персонажем, отец визуально не воплощался на экране. Вследствие этого поэтическое Слово в «Зеркале» обретало сакральный статус, символизировало незримое присутствие Бога-отца в мире. Оно стало тем трансцендентным пространством, в котором оказалось возможным соединение мужского и женского начал, трагически разорванных в мире.

В «Сталкере» стихотворный текст сохраняет высокое духовное значение, но изменяется концепция его бытования. Поэтическое Слово присутствует в мире героев, они сами читают стихотворения. Всего в фильме звучит два поэтических текста: одно принадлежит Арс. Тарковскому, другое – Ф. Тютчеву. В «Зеркале» стихи были связаны между собой и создавали параллельный фильму сюжетный ряд, в «Сталкере» же стихотворения между собой не связаны и даже кажутся чужеродными в ткани кинотекста. Однако это является сознательной авторской установкой. Можно говорить о прорыве субъективного личностного мироощущения в смысловое пространство фильма: с одной стороны, это оценочный взгляд режиссера, с другой – героев, которые прочитывают стихотворения.

Первым в фильме звучит стихотворение Арсения Тарковского «Вот и лето прошло...». Примечательно, что режиссер передает авторство одному из героев фильма – Брату Дикобраза, что не типично для творческой системы А. Тарковского. Брат, как и сам Дикобраз, остаются закадровыми персонажами и присутствуют в фильме только косвенно, однако играют важную роль в развитии христианского сюжета картины. М. Перепелкин отмечал, что в философской концепции А. Тарковского возникает сближение образов Христа и Иуды: «Столкновение-близость Иисуса и Иуды Искарота, как их понимал А. Тарковский, является не случайным и необязательным эпизодом евангельской истории, а вытекает из всей логики развития глубинного – смыслового – евангельского сюжета» [2, с. 161]. Так возникает ложная интерпретация, связанная с тем, что Сталкер называет Дикобраза своим учителем. Однако истинным духовным учителем героя является Брат Дикобраза, которого можно соотносить с Иисусом: он принимает мученическую смерть, чтобы открыть другим путь к истине/Комнате, его предает брат (брат по вере) ради собственного обогащения (что дает основания соотносить Дикобраза с Иудой). Важно, что именно Брату Дикобраза приписывается создание поэтического текста, что также свидетельствует о его сакральном статусе. Таким образом, в «Зеркале» поэтическое Слово символизирует присутствие в мире Бога-отца, а в «Сталкере» – Бога-сына.

Стихотворение Арсения Тарковского читает сам Сталкер, духовный ученик брата Дикобраза. «Вот и лето прошло...» звучит в момент высшего эмоционального напряжения, после того как сам герой и его спутники преодолели мясорубку и остались живы. Главная идея стихотворения заключается в том, что личности всегда будет мало материального («земного», «этого») мира, человеческое «Я» стремится вырваться за его пределы в трансцендентное. Режиссер соотносит мироощущение Сталкера с мироощущением лирического героя. Сталкер также ощущает потребность в большем, нежели то, что ему дает наличная действительность, из которой он уходит в заветную Зону. Однако фигура повтора, возникающая в конце каждой строфы («Только этого мало»), создает замкнутую структуру текста. Кольцевая композиция порождает чувство безвыходности, которое испытывают как лирический герой, так и Сталкер. По Тарковскому, счастье невозможно в человеческой жизни, его можно обрести только на высшем бытийном уровне.

Стихотворение Ф. Тютчева «Люблю глаза твои, мой друг...» звучит в конце фильма как внутренний монолог дочери Сталкера Мартышки. В ней А. Тарковский воплощает образ святой юродивой. В силу своей святости девочка оказывается способной прикоснуться к сакральному поэтическому Слову. Как и в случае со стихотворением «Вот и лето прошло...», оно читается в момент высшего духовного напряжения героя, когда Мартышка рада за воссоединение семьи. Важно отметить, что стихотворение не произносится вслух. Это продиктовано самим характером тютчевского слова, о чем писал Б. Иванов: «Оптимальной формой существования основных тютчевских стихотворений является молчаливое, так сказать, домашнее их произнесение в "душевной глубине", как и советовал поэт» [3]. Именно в такой форме бытует стихотворение в фильме: оно звучит из самой «душевной глубины».

Другой важный аспект лирики Тютчева – ощущение двойственности бытия. Мартышка особенно остро ощущает расколотость мира, которую, начиная со «Сталкера», осознал и сам Андрей Тарковский.

Стихотворение «Люблю глаза твои, мой друг...» относится к любовной лирике и рассказывает о страсти лирического героя. Почему режиссер отдает недетский текст ребенку? На наш взгляд, в данном случае реализуется важная философская концепция Тарковского, связанная со стиранием границ между временами. Эта идея активно развивалась в «Зеркале», где режиссер соединял прошлое и будущее. Но если в «Зеркале» режиссер идет от настоящего к прошлому, то в «Сталкере» А. Тарковский предугадывает будущее. Эту идею озвучивает в фильме Писатель: «Раньше будущее было лишь продолжением настоящего, а все перемены маячили где-то там за горизонтом. А теперь будущее слилось с настоящим». Эпизоду с чтением стихотворения Мартышкой предшествует монолог ее Матери, которая говорит о выстраданной любви, приносящей настоящее счастье. В фильмах Тарковского дети повторяют судьбу родителей, так что чтение данного текста является предвестником таинственной любви, которая ждет Мартышку в будущем. Таким образом, в фильме заданы два пути достижения истины: прорыв в трансцендентное (путь Сталкера) или обретение любви-истины в человеческом пространстве (путь Матери и Мартышки). Оба эти пути реализуются не только через сюжет фильма, но и через поэтические тексты.

Наконец, поэтическое Слово тесно связано с еще одним важным мотивом в философии А. Тарковского – мотивом косноязычия (или немоты), который проходит через все творчество режиссера. В «Сталкере» этим недугом страдают сразу два персонажа – сам Сталкер и Мартышка. В случае с Мартышкой мотив немоты реализуется напрямую: она не говорит в фильме, даже прочтение стихотворения представляет собой внутренний монолог. У Сталкера данный мотив реализуется буквально (нервная, неуверенная речь) и символически (повязанный на шею платок). В обоих случаях косноязычность героев преодолевается благодаря поэзии. В философской концепции А. Тарковского поэтическое Слово является одним из способов преодоления немоты бытия.

Таким образом, можно обозначить следующие функции поэтического Слова в фильме А. Тарковского «Сталкер». Во-первых, это эмоционально-оценочная функция, т. к. стихотворения звучат в моменты высшего духовного напряжения героев. Во-вторых, поэтическое слово выполняет сакральную функцию, становясь высказыванием о высшей истине. В-третьих, поэтическое Слово является средством преодоления косноязычия/немоты героев и бытия в целом. В-четвертых, поэзия является средством, благодаря которому стирается граница времен между настоящим и будущим. Благодаря звучащим стихам в «Сталкере» возникает еще один смысловой пласт, усложняющий структуру фильма и авторское видение мира.

Список использованной литературы

1. Иванюк, Б.П. «О чем ты воешь, ветр ночной?..» Ф. И. Тютчева: версия прочтения // Творчество Ф. И. Тютчева: филологические и культурологические проблемы изучения. Литературоведческий сборник. – Вып.15-16. – Донецк, 2003. – С. 34–48.
2. Михалкович, В.И. Андрей Тарковский. – Москва: Знание, 1989. – 56 с.
3. Перепелкин, М.А. Слово в мире Андрея Тарковского. Поэтика иносказания. – Самара, 2010. – 480 с.